

Русский язык

Научная статья
УДК 811.161.1.37
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_46
EDN: YQOJJZ

Особенности вербализации концепта «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом»

Людмила Владимировна Табаченко^{1✉}, Наталья Валериановна Изотова², Елена Вадимовна Белопольская³

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Садовая, д. 105/42

²Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Садовая, 105/42

³Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Садовая, д. 105/42

¹lvtabachenko@sfedu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

²nvizotova@sfedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2094-2746>

³evbelopolskaya@sfedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1785-7452>

Аннотация. В статье исследуются особенности вербализации концепта «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом» на фоне его общезыкового представления в соответствии со значениями основного вербализатора: 1) ‘таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни’, 2) ‘доля, участь, жизненный путь кого-либо’. На основе анализа сочетаемости абстрактного имени *судьба*, а также его синонимов *рок*, *доля*, *участь*, *жребий* выявляются гештальты – видимые маски, которые может надевать судьба как абстрактная сущность. В романе Солженицына судьба представлена как непредсказуемая, деспотичная по отношению к человеку персонифицированная сила. Собственно авторским является представление судьбы в облике начальства, всех тех, кто олицетворяет волю тоталитарного государства.

Общезыковой гештальт судьбы-дороги трансформируется в гештальт «холодное оружие» в семантически емком выражении *судьбы скрестились*. Автор подчеркивает взаимосвязь всех судеб, всеобщую нравственную ответственность. Важным в тексте романа является представление о судьбе и жизни как о чем-то сломанном и перешибленном (перешибленная судьба, изломы доли, ломка жизни и решение судьбы). Эта мысль распространяется и на изломы истории, сломанную революцией судьбу России. Органично выглядит в этом ряду интерес писателя к «узлам» – переломным событиям, предопределяющим дальнейший ход истории.

Хотя Солженицын и признает, что человек не всегда может распоряжаться своей судьбой, он все же настаивает на свободе нравственного выбора, дарованной каждому из нас. Слова *выбор*, *выбирать*, *избирать* в романе Солженицына нередко употребляются в контекстах, связанных с определяющим дальнейшую судьбу выбором. По убеждению писателя, только волевой, духовной личности по силам переломить ситуацию, победить обстоятельства, другими словами, пойти навстречу своей судьбе. Сотрудничество с Божьим замыслом проявляется в каждом значимом поступке, когда ничто не проходит бесследно, а все складывается в судьбу.

Ключевые слова: концепт «судьба»; вербализация; сочетаемость имени; гештальты; нравственный выбор; Солженицын; роман «В круге первом»

Для цитирования: Табаченко Л. В., Изотова Н. В., Белопольская Е. В. Особенности вербализации концепта «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 46–56. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_46. <https://elibrary.ru/YQOJJZ>

Russian language

Original article

Verbalization of the concept «fate» in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the first circle»

Lyudmila V. Tabachenko¹, Natalia V. Izotova², Elena V. Belopolskaya³

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of general and comparative linguistics, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Sadovaya st., 105/42

²Doctor of philological sciences, professor at the department of the russian language, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Sadovaya st., 105/42

³Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian and foreign literature. Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Sadovaya st., 105/42

¹lvtabachenko@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

²nvizotova@sfnu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2094-2746>

³evbelopolskaya@sfnu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1785-7452>

Abstract. The article examines the verbalization of the concept 'fate' in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle» and its semantic values as a mysterious force that determines the events of someone's life and as the lot, destiny or someone's life path. The compatibility analysis of fate and its synonyms lot, destiny, misfortune reveals certain gestalts, visible masks that fate as an abstract entity can put on a person. In the novel, fate is depicted as an unpredictable personified force despotic to a person, and embodying the power of the totalitarian state.

The language gestalt 'fate' as a life path is transformed in the novel into the gestalt 'cold weapons'. The idea of fate and life as something broken and shattered is salient in the text. The same refers to the twists of history and the fate of Russia, shattered and broken by the revolution. Therefore, the writer's interest in historic 'knots' as turning points which predetermine the further course of history seems natural.

Although A. I. Solzhenitsyn admits that a person cannot always control his fate, he still insists on the freedom of moral choice granted to each of us. The words choice, to choose, to select in the novel are often used in reference to the future fate. According to the writer, only a strong-willed, spiritual person can turn the situation around, overcome circumstances, and challenge his fate. The divine will is evident in every significant act of a human, and these acts form a human fate.

Key words: concept «fate»; verbalization; compatibility of words; gestalts; moral choice; Solzhenitsyn; the novel «In the First Circle»

For citation: Tabachenko L. V., Izotova N. V., Belopolskaya E. V. Verbalization of the concept «fate» in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the first circle». *Verhnevzhski philological bulletin*. 2023;(3):46–56. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_46. <https://elibrary.ru/YQOJJZ>

Введение

Изучение этноспецифических особенностей языковой картины мира является одним из магистральных и актуальных направлений современной лингвистики, связанных, в частности, с изучением концептосферы того или иного языка.

В исследованиях, посвященных характеристике русской языковой картины мира, обращается внимание на такие этноспецифические концепты, как «воля», «простор», «удаль», «тоска», «совесть», «душа», «смирение» и др. [Вежбицкая, 2001; Ермакова, 2000; Шмелев, 2002]. Указывается, что в русской концептосфере одним из базовых и сложных является концепт «судьба» [Вежбицкая, 2011; Апресян, 2006], связанный с представлениями о контролируемости событий внешней по отношению к субъекту силой [Шме-

лев, 2002, с. 461]. Эти признаки концепта «судьба» можно отнести и к универсальной, общечеловеческой картине мира: «Концепт судьбы формируется народным сознанием в плане видения бытийственной ситуации свободы-необходимости с позиции погруженного в жизненный поток человека, испытывающего действие сил, детерминирующих его жизнь» [Постовалова, 1994, с. 209].

Осмысленное существование человека связано со стремлением постичь, как распорядилась им судьба, что именно выпало на его долю, каковы степень предопределенности событий и мера вмешательства в его жизнь некой внешней силы, неподвластной человеку. В то же время важно представлять, насколько самостоятелен каждый из нас в определении собственной судьбы, особенно в тот момент, который можно назвать

«точкой бифуркации», когда происходят принципиальные изменения в мироустройстве.

Общую картину представления концепта «судьба» в русской языковой картине мира углубляет и расширяет его индивидуально-авторская интерпретация, находящая выражение в текстах художественной литературы.

В этой связи особый интерес, на наш взгляд, может представлять вербализация концепта «судьба» в художественных текстах А. И. Солженицына, в частности в романе «В круге первом», что еще не становилось предметом научного исследования.

О своей судьбе размышляют многие герои романа, но особенную остроту «вечные» вопросы бытия приобретают для зеков-интеллигентов. К осмыслению собственной судьбы их подталкивает сама ситуация, в которой они оказались. В замкнутом пространстве (пусть и первого круга) гулаговского ада они пытаются разобраться в собственной жизни, взглянуть на происходящее с ними со стороны, понять логику судьбы.

Как известно, роман «В круге первом» имеет автобиографическую основу. С июня 1947-го по май 1950-го г. будущий писатель находился в марфинской спецтюрьме, так называемой «шарашке», где работали заключенные ученые, инженеры, выполняя секретные государственные задания. Основанием для привлечения Солженицына в тюремный научно-исследовательский институт послужил диплом математика: в 1941-м году он с отличием окончил физико-математический факультет Ростовского государственного университета (ныне ЮФУ).

Об истории создания и публикации «В круге первом», о его идейно-художественной специфике существует обширная критическая литература. В России всестороннее и интенсивное изучение романа совпало с возвращением писателя на родину. Неослабевающий интерес исследователей к роману «В круге первом» доказывает справедливость суждения, высказанного Г. Беллем. Немецкий писатель сравнил «В круге первом» с собором, тем самым подчеркнув сложную архитектуру солженицынского романа: «...огромные своды, множество перекрытий, несколько измерений» [Белль, 1989, с. 229]. Произведение привлекало внимание исследователей в различных аспектах: нравственно-идеологическом [Чуриков, 2006], историко-социологическом [Радзишевский, 2009; Кречетова, 2014], религиозно-философском [Белопольская, 2013; Мартьянова, 2013; Кривонос, 2020],

медитативно-мистическом [Спиваковский, 2019]. Предметом изучения литературоведов становились сюжетно-композиционные особенности, хронотоп и формы выражения авторского сознания «В круге первом» [Бобко, 2014; Голубков, 2004; Урманов, 2014] и мн. др. Проблема рецепции солженицынского романа режиссерами кино и театра также находилась в поле зрения специалистов [Сараскина, 2018; Мальцева, 2018]. Из исследований в области лингвистики особо отметим опыт изучения ключевых концептов и слов, а также прецедентных феноменов в прозе А. И. Солженицына, в частности на материале романа «В круге первом» [Злобин, 2014; 2016; Хижняк 1999].

Цель статьи – выявить в романе А. И. Солженицына «В круге первом» особенности авторской вербализации концепта «судьба» на фоне общеязыкового представления концепта.

Материалом исследования послужили контексты со словом *судьба* и другими лексемами этого концептуального поля, полученные в результате сплошной выборки из романа А. И. Солженицына «В круге первом» (цитаты приводятся по собранию сочинений писателя в 30 томах. Т. 2. [Солженицын, 2011]. В круглых скобках после цитаты указаны номера страниц. При цитировании сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.)

Методы исследования

В качестве основных методов в работе применяются: описательный, функционально-стилистический, концептуальный анализ сочетаемости имен существительных – вербализаторов концепта «судьба».

Результаты исследования

Основным вербализатором анализируемого концепта является слово *судьба*, которое употреблено в романе А. И. Солженицына «В круге первом» 52 раза.

В соответствии с основными значениями эта лексема возглавляет два различных синонимических ряда [Шмелев, 2002, с. 460]: 1) *судьба* как ‘таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни’ (17 употреблений; далее в круглых скобках указывается только количество), в этот ряд входит также слово *рок* (1). Слов *фатум*, *фортуна* из этого синонимического ряда в романе нет;

2) *судьба* как ‘события чьей-либо жизни’ (35), *доля* (2), *участь* (4), *жребий* (6). Слова *удел* из этого синонимического ряда в романе нет.

Судьба как отвлеченная сущность в определенных имплицитно метафорических словосочетаниях может принимать «лики видимого, материального» [Чернейко, Долинский, 1996, с. 24], что позволяет абстракции быть представленной в виде конкретной маски (гештальта) (о принципах гештальтного анализа см.: [Чернейко, Долинский, 1996]).

Гештальты выявляют в отвлеченной сущности более конкретные представления о данной абстракции, которые проявляются в основном в сочетаемости. Гештальт формируется на основе скрытой метафоры и, «в отличие от образа, который эксплицирован», имплицитен [Чернейко, Долинский, 1996, с. 23–24]. Это позволяет представить абстрактное явление в виде другого, более конкретного явления. Расширение, уточнение, углубление концепта связано с сочетаемостными возможностями слова, номинирующего концепт, с его предикативными и атрибутивными характеристиками. Обратимся к анализу гештальтной структуры концепта «судьба», выявляемой на основе этой сочетаемости.

И в русской, и в общекультурной традициях *судьба* персонифицируется, она предстает в виде личности, более сильной, чем человек, во власти которой он полностью находится. Общеязыковые выражения типа *судьба заносит, бросает, волею судеб, осужден судьбою, приговор судьбы, удары судьбы* реализуют эти представления.

В тексте романа Солженицына встречаются подобные примеры: герою может противостоять некая персонифицированная сила, враждебная и властная. Лексема *судьба* может быть подлежащим, активным субъектом, координирующимся с предикатом, выраженным глаголом воздействия с отрицательной частицей: *судьба не пощадила* (с. 223); предикатом со значением преднамеренного действия (глагол *городить* в переносном значении): «...*несправедливо много препятствий и врагов городила перед ним судьба*» (с. 113). Слово *судьба* может вступать в сочетание с именем существительным с процессуальным значением и обозначать неприятности, невзгоды, возникающие неожиданно в жизни человека и вызывающие у него внутреннюю эмоциональную реакцию: *страх перед ударами судьбы* (с. 450).

К собственно авторским гештальтам Солженицына относится представление *судьбы* в обли-

ке начальства, всех тех, кто олицетворяет волю тоталитарного государства: это надзирательница «*в мундире с Красной Звездой на груди, и у неё в толстой книге Регистрируемых Судеб каждый проходящий арестант расписывался сквозь прорезь в жестяном листе...*» (с. 210). Для заключенных и их близких начальство и *судьба* сливаются в одну враждебную силу: «*Муж и жена Герасимовичи поцеловались. <...> Этот поцелуй, украденный у начальства и у судьбы, был поцелуй без цвета, без вкуса, без запаха...*» (с. 277).

В романе Солженицына насилие *судьбы* может передаваться и конструкцией без наименования этой жестокой недоброжелательной силы, круто ломающей людские жизни: *жизненный излом* (с. 84), *новый швырок в лагерный провал* (с. 84).

Судьба – это и хозяйка, сплетающая жизни и как живые ветви, и как мертвые прутья в корзине: «*Льва Рубина судьба сплела с Германией и ветвями мира, и прутьями войны*» (с. 24).

В романе *судьба* выступает не только как властная и недоброжелательная личность, но и как опасный хищник: «*арестанты-отцы... возьмутся в круг, усатые, бородатые, и, перепевая волчий вой своей судьбы, с горьким смехом закружатся...*» (с. 714). Однако *волчий вой судьбы* сильные духом личности все же «перепевают», пересиливают, преодолевая испытания.

Также в рамках общекультурной традиции *судьба* в своем отношении к человеку непостоянна, капризна: «*Или всё отнять, или всё дать – у судьбы так*» (с. 234), «*арестантская судьба далеко не всегда дарит такое событие, как завтрак*» (с. 205). Она может быть иногда и благосклонной, посылать «*неожиданную, но заслуженную... награду*» (с. 261).

Мысль о непредсказуемости, непостижимости человеческой *судьбы*, когда беда оборачивается удачей и наоборот, не раз высказывалась Солженицыным, например в книге «Архипелаг ГУЛАГ»: «*Никто из людей ничего не знает наперед. И самая большая беда может постигнуть человека в наилучшем месте, и самое большое счастье разыщет его – в наидурном*» (Солженицын, т. 6, с. 363). В романе «В круге первом» тоже говорится о том, что *судьба* иногда спасает кажущимися неудачами: «*Но знающая меру в своих щедротах и в своих преследованиях судьба этими самыми неудачами и спасла Радовича: заметное лицо в коминтерновских кругах, он в*

самые критические годы уцелел из-за того, что не выползал из больницы» (с. 456–457).

Этот парадоксальный взгляд на непредсказуемость судьбы и возможную выигрышность неудач реализуется и в общеязыковом гештальте колеса-фортуны, то поднимающего человека, то опускающего его, которое у Солженицына трансформируется в колесо судьбы России и судьбы отдельного человека, в частности Спиридона Егорова: он был «интенсивником», вступил в партию и был в почете, стал зажиточным, но пожар сделал его семью нищей, однако спас от раскулачивания: «В который раз судьба человеческая закидывала загадки, и беда обёртывалась прибытком» (с. 489).

Судьба как недоброжелательная сила представлена также синонимом *рок*, употребленным в тексте романа один раз во фрагменте о Сталине: «Думать – был его долг. И рок его, и казнь его тоже была – думать» (с. 110). Сатира автора проявляется в несобственно-прямой речи от имени Сталина. Высокопарность слога, звучащая во внутреннем монологе героя, девальвирует возвышенные мысли и понятия. Это относится и к использованию прилагательного *роковой* (всего в романе 11 употреблений). В русском языке оно имеет следующие значения: «1. Предопределенный, по суеверным представлениям, роком, неотвратимый, неизбежный || Гибельный, смертельный. || Закрывающий в себе, несущий горе, несчастье, страдания. 2. Решающий, предопределяющий судьбу кого-, чего-л. (СРЯ, 3, с. 728). Однако в «сталинской» главе прилагательное *роковой* употреблено в сочетании со словом *неожиданность*, что придает этому словосочетанию определенный иронический оттенок и девальвирует в устах Сталина традиционно высокие понятия рока и судьбы: «Но какая *роковая неожиданность*: Бухарин, Томский и Рыков оказались тоже лицемеры, они не были за единство партии!» (с. 129).

Это выражение, с сарказмом вложенное автором в уста Сталина, контрастирует с другими сочетаниями с лексемой *роковой*, характеризующими действительно роковые события и явления: *любовь роковая, обречённая* (с. 204); *роковой день* (с. 415, 527), *роковое женское поколение* (с. 351); *роковая трещина в станине* (с. 596); *льготный роковой месячный срок* (с. 612), *роковой разговор* (с. 617), *роковая ошибка* (с. 662), *роковая грань в жизни арестанта* (с. 695).

Выражение *роковой шаг* в русском языке обычно употребляется в переносном значении,

но у Солженицына оно имеет явно конкретную семантику: «Отсчитывали каждого совершающего столь знакомый и всегда роковой шаг – неудобный крупный шаг с земли на высокую подножку воронка...» (с. 716).

Следующие концептуальные признаки и гештальты связаны со вторым значением этого слова – ‘доля, участь, жизненный путь кого-либо’.

Как результат недоброжелательности судьбы – властной силы – несчастны личные судьбы людей: «Этап заставляет каждого, даже не тронутого им, зэка подумать о бренности своей судьбы...» (с. 702). Их судьба *нескладна* (с. 51), *трагична* (с. 391), *несчастливая* (с. 247), *злополучная* (с. 692), *перешибленная* (с. 484).

В тексте романа нет сочетаний *счастливая, радостная, хорошая судьба*, только дипломат Володин до определенного времени свою жизнь «считал наилучшим, наудачным жизненным жребием», который он впоследствии «ощутил как нечто гадкое» (с. 434). Это еще раз подчеркивает парадоксальность концепта «судьба» в романе Солженицына: можно быть несчастным в благополучии и счастливым в заключении, как Нержин. Эта истина приоткрывается и Володину.

Судьба-фортуна как внешняя персонифицированная сила обуславливает превратности (этимологически «переворачивания») личных судеб людей, перед которыми герои Солженицына, особенно арестанты, беззащитны: «Самое безправное изо всех земных существ... – зэк беззащитен перед превратностями судьбы» (с. 711). Они «мрачно-равнодушно» относятся «к свободе, к своей судьбе, к своим срокам в десять лет и в четверть столетия» (с. 42). Однако внешне беззащитные, на самом деле эти герои оказываются внутренне свободнее: «Ими владело безстрашие людей, потерявших в с'ё до конца» (с. 719).

Боятся за свою судьбу те, кому есть, что терять, – «вельможи» шарашки и их хозяева: Яконов, Осколупов, Абакумов и даже Сталин (он боится больше всех). В противоположность им Бобынин, арестант, у которого отняли все, на самом деле свободен – свободой аскета, стойка.

Общеязыковой гештальт *судьбы-дороги* тоже представлен в тексте романа в выражении *повороты судьбы*, в котором слово *поворот* реализует переносное значение ‘полное изменение в развитии чего-л., перелом’. Однако вместе с сочетанием *повороты судьбы*, в котором субъектом является судьба, Солженицын в рамках одного сложного предложения использует и предика-

тивное сочетание, где субъектом является сам человек, творящий собственную судьбу: «На каждом повороте спиридоновой судьбы Нержин теперь притаивался, ожидая, что ещё выкинет Спиридон» (с. 490).

В рамках общеязыковой тенденции концепт «судьба» связан с концептом «жизнь», которая тоже часто персонифицируется, выступая аналогом недоброжелательной, даже жестокой личности, например, в выражениях *жизнь заставила*, *жизнь побила*, *загнанный жизнью* и др. И во втором значении 'доля, участь, жизненный путь кого-либо' лексемы *судьба* и *жизнь* часто выступают как синонимы.

Самым крутым поворотом судьбы в жизни заключенных является отправление по этапу – «это такая же роковая грань в жизни арестанта, как в жизни солдата – ранение» (с. 695). В конце романа на этап отправляются Нержин, Герасимович, Хоробров, они не идут на сделку с совестью, предпочитают шарашке лагеря. Это движение навстречу судьбе связано с их личным осознанным выбором.

Здесь тоже проявляется одна из особенностей художественного изображения жизни и судьбы у Солженицына. Писатель сосредоточивает внимание на пороговой ситуации в жизни героя, которая способствует выявлению запаса прочности личности, ее нравственного потенциала.

Общеязыковые выражения *скрестились жизни, судьбы* (по типу *скрестились дороги*) также указывает на гештальт «судьбы-дороги»: в камере Бутырской тюрьмы *скрещались тогда пёстрые жизни и непохожие пути*» (с. 209). Однако в тексте романа выражение *судьбы скрестились* приобретает семантическую емкость, представляя и гештальт «холодное оружие»: «На Учредительном Собрании скрестились судьбы родственников Иннокентия: отец его Артём был среди главных сухопутных матросов, разогнавших поганую учредилку, а дядя Авенир – манифестант в поддержку заветного Учредительного» (с. 445).

Важным в особенности концептуализации судьбы в романе Солженицына является представление о судьбе и жизни как о чем-то сломанном и перешибленном: *перешибленная судьба* (с. 484), *жизненный излом* (с. 84), *изломы доли* (с. 489), *ломка жизни и решение судьбы* (с. 195).

С одной стороны, это связано с мыслью об изломах истории и о сломанной революцией судьбе России, с другой – с интересом писателя именно к «узлам» – переломным событиям,

предопределяющим дальнейший ход истории: «„Узел“ – это точка в истории, содержащая массу потенциальных возможностей для самых непредсказуемых поворотов исторического сюжета» [Орловская-Бальзамо, 1996, с. 198]. Солженицын рассматривает исторические события с точки зрения их влияния на будущее страны. Например, в словах дяди Авенира о роли латышских стрелков при расстреле манифестации в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 года звучит горькая усмешка: «*Латыши выправляли нашу судьбу, что с Латвией будет – они не догадывались...*» (с. 446).

В синонимический ряд, представляющий судьбу как события чьей-либо жизни, входят слово *доля* и *участь*, у которых значение 'судьба' развилось на базе значения 'часть' (Фасмер, т. 1, с. 526; т. 4, с. 319; ЭССЯ, вып. 5, с. 62; вып. 4, с. 107–108). Это представление о судьбе поддерживается образом куска пирога как лучшей жизненной доли, на которую надеется Щагов (с. 372) (по одной из этимологических версий, слова *часть*, *участь* связаны чередованием гласных и согласных с корнем *кус-* – *кусок*, *кусать* [Фасмер, т. 4, с. 319]), а также этимологией слова *счастье*, на что обращает внимание Нержин, ссылаясь на словарь Даля: «*Читайте Владимира Даля. „Счастье“ происходит от со-частье, то есть кому какая часть, какая доля досталась, кто какой пай урвал у жизни. Мудрая этимология даёт нам очень низменную трактовку счастья*» (с. 47).

Судьба, доля, участь может мыслиться как общая с другими людьми, и одни герои Солженицына готовы наравне с другими делить тяготы судьбы (Нержин, Рубин, Щагов на войне): «*Судьбу простых людей Нержин разделил не как снисходительный... чужой барин, но – как... равный среди равных*» (с. 484); «*Рубин ... своё время проводил среди людей, несправедливо на него нападающих, но делящих с ним равную участь*» (с. 66). Напротив, Щагов (после войны), Мамурин не готовы к жертве, они рассчитывают «на свой кусок пирога» (с. 372), стремятся к легкой, необременительной жизни, ставя себя выше других,

В тексте романа также употребляется член второго синонимического ряда – *жеребий*, значение которого 'судьба, участь' исторически развилось в результате метонимического переноса с процесса вынимания жеребья на конечный итог жеребьевки: с одной стороны, чаще всего это был раздел земли или наследства, определяющий

судьбу в целом, с другой – это любое выпадающее человеку предназначение в результате проявления Божественного промысла. И для дипломата Володина, который сначала считал свою судьбу *«наилучшим, наиудачным жизненным жребием»* (с. 434), вытаскивание из кармана для звонка в американское посольство пятнадцатикопеечных монет, которых он *«надеялся не найти»* (с. 15), равно вытягиванию жизненного жребия: *«Значит, быть по тому»* (с. 15). Неизбежность выбранной судьбы Володин видит и в других предзнаменованиях: *«Совсем не задумывал Иннокентий – а ехал по Моховой как раз мимо посольства. Значит, судьба»* (с. 15). Судьбу как жребий манифестирует и выражение *«Выпало это ему...»* (с. 691) из размышлений уже арестованного Володина.

Однако Володин выступает не пациентом жребия, а активным субъектом, который сам определяет свою судьбу, идет ей навстречу. Он не чья-то жертва, а человек, добровольно приносящий себя в жертву, уверенный в своем предназначении. Отсюда образы не утлого челнока, а торпеды, нацеленной на «линкор» здания Большой Лубянки. В тексте романа это передается заменой двух безличных конструкций, в которых челночок Иннокентия и опущенное местоимение *его* в следующем неполном предложении были синтаксическими прямыми объектами, на конструкцию двусоставную. В ней подлежащее обозначает активный субъект, производящий сознательное волевое действие: *«И одинокий утлый челночок Иннокентия так и тянуло туда, под нос тяжёлого быстрого корабля»*.

Нет, не тянуло челноком – это он сам шёл на линкор – торпедой!» (с. 15).

С одной стороны, Солженицын продолжает общекультурную и общезыковую традицию концептуализации судьбы как неподвластной человеку силы. Но, с другой – в трактовке концепта «судьба» автор делает акцент на активности человека в соработничестве с Тем, Кто посылает судьбу, которая проявляется в нравственном выборе человека между добром и злом, являющимся и выбором судьбы. По мысли В. Н. Топорова, «один из важнейших уроков судьбы, преподанный умышленно с опозданием, состоит именно в том, что человек должен жить не по судьбе, но по своей свободной воле, которая должна направляться некоей независимой системой ценностей» [Топоров, 1994, с. 39]. И в романе А. И. Солженицына концепт «судьба» как

‘события чьей-л. жизни’ связан с концептом «нравственный выбор».

Герои, не желающие покоряться злу, вступают в спор с безличностью силы судьбы и выступают активным началом, определяющим свою судьбу. Человек терпит удары судьбы и в то же время идет наперекор тому, что преподносят ему обстоятельства, связанные с общегосударственной системой.

Нержин, не согласившийся сотрудничать с «людоедами», отдавать свою голову, время, жизнь «осьминогу криптографии», решается на судьбоносный шаг. И резолюция «Нержина – списать», и новый этап – это не случайная кара стихийной жестокой судьбы, а следствие осознанного выбора: *«...Нержин понимал всё ясней: отказ от криптографической группы был не служебное происшествие, а поворотный пункт целой жизни»* (с. 84).

Нравственный выбор делают Володин, Нержин, Рубин, Сологдин, Бобынин, Хоробров, Герасимович, Агния и многие другие герои романа. Важность момента ощущает и аспирантка Муза, которую заставляют быть доносчицей: *«Ведь вот как это делается! – выбор целой жизни, и ни с кем нельзя посоветоваться!»* (с. 352).

Слова *выбор, выбирать, избирать* в романе Солженицына нередко употребляются в контекстах, связанных с определяющим дальнейшую судьбу выбором: *«добровольно избирали енисейскую ссылку...»* (с. 391); *«выбор неизбежный: за какую ты из двух мировых сил?»* (с. 53), *«выбрать между добром и злом»* (с. 180); *«ты сам выбрал свой жребий»* (с. 525).

Судьбы героев в романе Солженицына переплетаются (см. выше о судьбе-хозяйке, сплетающей судьбы), влияют друг на друга и в целом определяют ход важнейших исторических событий и судьбу государств: *«Никак не мог бы сейчас представить Иннокентий Володин, что имеет влияние на его судьбу нудный, изматывающий ночной спор двух арестантов...»* (с. 508). Этот спор решал не только судьбу Володина, но и судьбу атомной бомбы, и судьбу двух противостоящих друг другу государств.

А. И. Солженицын представляет и октябрьский переворот, и русскую и мировую историю в целом «не только как движение масс, но и как сцепление индивидуальных судеб» [Холмогоров, 2018]. В романе не только говорится о судьбах отдельных героев, но достаточно часто употребляются сочетания *судьбы страны* (с. 649), *русские*

судьбы (с. 219), венгерская судьба (с. 349), мировые судьбы (с. 392), судьба планеты (с. 325).

Автор романа подчеркивает взаимосвязь всех судеб, нравственную ответственность за все совершаемое: ничто не случайно и ничто не проходит бесследно. Свою арестантскую судьбу как возмездие за жестокость коллективизации ощущает Рубин: *«И если дитё хозяйское умира-ло – подышайте вы, злыдни, и со своим дитём, а хлеба испечь – не дать! <...> И чудится иногда: раны тебе – за это! Тюрьма тебе – за это! Болезни тебе – за это!»* (с. 518).

Категория судьбы соотносится со смыслом человеческой жизни. И жизнь, и судьба перестают быть хаотичной цепью неотвратимых событий, когда они осмысляются как земной путь, следующий Божественному замыслу. Сотрудничеством с этим замыслом являются все поступки, продиктованные нравственным выбором человека, которые в конце концов и составляют судьбу. Оценка событий жизни человека как неудачной, несчастливой или счастливой судьбы полностью зависит от позиции, с которой судьба оценивается. Так осмысляет свою жизнь Нержин, получив разрешение на свидание с женой:

«Ещё пять минут назад... вся его тридцатилетняя жизнь представлялась ему бессмысленной, удручающей цепью неудач <...>. Но вот ему было объявлено свидание сегодня к полудню – и в новом солнце предстала ему тридцатилетняя жизнь..., где самыми неожиданными ступеньками к цели были уход на войну, и арест, и многолетняя разлука с женой. Со стороны по видимости несчастливый, Глеб был тайно счастлив в этом несчастье» (с. 204)

Заключение

В рамках общезыковой традиции концепт «судьба» в романе А. И. Солженицына «В круге первом» представлен, во-первых, как недоброжелательная по отношению к человеку персонализированная сила, своевольная и деспотичная, предстающая то в облике надзирательницы, то начальства в целом, то волка. Как результат недоброжелательности судьбы – властной силы – нескладны и печальны личные судьбы героев романа.

Солженицын в основном сосредоточивает свое внимание на переломных моментах судеб героев, когда выявляется нравственный потенциал их личности. Один из основных концептуальных признаков «судьбы» не только в русской, но и в общечеловеческой картине мира – идея неконтролируемости событий своей жизни самим

человеком, но в романе А. И. Солженицына акцент перенесен на потенциал внутреннего сопротивления героя «железным объятиям» Судьбы. Допуская, что человек не всегда может распоряжаться своей судьбой, Солженицын настаивает на свободе нравственного выбора, дарованной каждому из нас. И только волевой, нацеленной на духовное самоусовершенствование личности по силам переломить ситуацию, победить обстоятельства, другими словами, пойти навстречу своей судьбе, сознательно последовать Божьей воле.

Библиографический список

1. Апресян В. Ю. Семантика и прагматика судьбы // Материалы международной конференции «Диалог 2006». URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm> (дата обращения 18.04.2023).
2. Белль Г. Мир под арестом: О романе Александра Солженицына «В круге первом» // Иностранная литература. 1989. № 8. С. 229–233.
3. Белополюская Е. В. А. И. Солженицын и преподобный Иоанн Лествичник: к проблеме духовно-нравственного возвышения (на материале романа «В круге первом») // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2013. № 3. (40). С. 52–60.
4. Бобко Е. И. «Композиция, несущая к окончательной свободе»: к проблеме точки зрения в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 51–57.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ.; предисловие А. Д. Шмелева. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 287 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. Москва: Языки славянских культур, 2011. 568 с. (Язык. Семиотика. Культура).
7. Голубков М. М. Опыт монографического анализа (О романе «В круге первом» Александра Солженицына) // Десять лучших романов XX века: сборник статей. Москва: Луч, 2004. С. 156–181.
8. Ермакова О. П. Концепты совесть и зависть в их языковом выражении // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сборник статей // РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: «Азбуковник», 2000. С. 375–385.
9. Злобин А. А. Лексическая репрезентация концепта воля в произведениях А. И. Солженицына // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2014. № 3. С. 25–27.
10. Злобин А. А. Функционирование прецедентных феноменов в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 79–82.
11. Кречетова А. В. Роман «В круге первом» в аспекте дискурсивного отражения концепций российской

ского либерального движения конца XIX – начала XX века. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 64–67.

12. Кривонос В. Ш. Два локуса памяти в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. 2020. № 6. С. 163–172.

13. Мальцева О. Н. О театральном претворении романа А. И. Солженицына «В круге первом» (спектакль Ю. П. Любимова «Шарашка») // Личность и творчество А. И. Солженицына в современном искусстве и литературе : Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А. И. Солженицына. Москва, 15–17 марта 2017 г. / Государственный институт искусствознания; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский благотворительный фонд Александра Солженицына; ред.-сост. Л. И. Сараскина. Москва : Государственный институт искусствознания; Русский путь, 2018. С. 281–295.

14. Мартыанова С. А. Библейские темы и образы в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2013. Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сборник статей. Вып. 8. 2013. № 11. С. 442–452.

15. Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн / перев. с француз. Дарьи Румянцевой // Новый мир. 1996. № 7 (855). С. 195–211.

16. Постовалова В. И. Судьба как ключевое слово культуры и его понимание А. Ф. Лосевым (фрагмент типологии миропониманий) // Понятие судьбы в контексте разных культур : сборник научных статей. Москва : Наука, 1994. С. 207–214.

17. Радзишевский В. В. Исторический контекст в романе «В круге первом»: наблюдения комментатора // Путь Солженицына в контексте Большого Времени : сборник памяти: 1918–2008. Москва : Русский путь, 2009. С. 243–248.

18. Сараскина Л. И. Задача и сверхзадача экранизации по роману А. И. Солженицына «В круге первом» // Личность и творчество А. И. Солженицына в современном искусстве и литературе : Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А. И. Солженицына. Москва, 15–17 марта 2017 г. / Государственный институт искусствознания; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский благотворительный фонд Александра Солженицына; ред.-сост. Л. И. Сараскина. Москва : Государственный институт искусствознания; Русский путь, 2018. С. 222–242.

19. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Русский язык, 1981–1984. Т. 3. 1983. 752 с. (СРЯ).

20. Солженицын А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Москва : Время, 2007–2018. Т. 2. 2011. 880 с. Т. 6. 2010. 624 с.

21. Спиваковский П. Е. «В круге первом» А. И. Солженицына: тени реального // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2019. № 2. С. 41–48.

22. Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур : сборник научных статей. Москва : Наука, 1994. С. 38–75.

23. Урманов А. В. Художественное мироздание Александра Солженицына : монография. Москва : Русский путь, 2014. 624 с.

24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. В 4 т. 2-е изд., стереотип. Москва : Прогресс, 1986–1987. Т. 1. 1986. 576 с. Т. 4. 1987. 864 с.

25. Хижняк Л. Г. Ключевые слова в прозе А. И. Солженицына // Филология : межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1999. С. 63–67.

26. Холмогоров Е. Улица Солженицына // Новый мир. 2018. № 12. С. 144–161. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_12/Content/Publication6_7073/Default.aspx (дата обращения 18.04.2023).

27. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1996. № 6. С. 20–41.

28. Чуриков Г. А. Конфликт идеологии и нравственности в романах А. И. Солженицына «Август 14-го» и «В круге первом» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. 2006. № 1. С. 85–92.

29. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 496 с. (Язык. Семиотика. Культура).

30. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. I–41. Москва : Наука, 1974–2018. Вып. 4. 1977. 235 с. Вып. 5. 1978. 232 с. (ЭССЯ).

Reference list

1. Apresjan V. Ju. Semantika i pragmatika sud'by = Semantics and pragmatics of fate // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2006». URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm> (data obrashhenija 18.04.2023).

2. Bell' G. Mir pod arestom: O romane Aleksandra Solzhenicyna «V krugu pervom» = The world under arrest: On Alexander Solzhenitsyn's novel In the First Circle // Inostrannaja literatura. 1989. № 8. S. 229–233.

3. Belopol'skaja E. V. A. I. Solzhenicyn i prepodobnyj Ioann Lestvichnik: k probleme duhovno-nravstvennogo vozvvyshenija (na materiale romana «V krugu pervom») = A. I. Solzhenitsyn and St. John the Climacus: the problem of spiritual and moral elevation (on the novel In the

First Circle) // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2013. № 3. (40). S. 52–60.

4. Bobko E. I. «Kompozicija, nesushhaja k okonchatel'noj svobode»: k probleme tochki zrenija v romane A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = «Composition, carrying to final freedom»: to the problem of a point of view in A. I. Solzhenitsyn's novel In the First Circle // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2014. T. 14. Vyp. 2. S. 51–57.

5. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevyh slov = Understanding cultures through key words / per. s angl.; predislovie A. D. Shmeleva. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 287 s. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura. Malaja serija).

6. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty = Semantic universals and basic concepts. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. 568 s. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).

7. Golubkov M. M. Opyt monograficheskogo analiza (O romane «V kruge pervom» Aleksandra Solzhenicyna) = Monographic analysis (On the novel In the First Circle by Alexander Solzhenitsyn) // Desjat' luchshih romanov HH veka : sbornik statej. Moskva : Luch, 2004. S. 156–181.

8. Ermakova O. P. Koncepty sovest' i zavist' v ih jazykovom vyrazhenii = Concepts conscience and envy and their linguistic expression // Russkij jazyk segodnja. Vyp. 1. Sbornik statej // RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova / otv. red. L. P. Krysin. Moskva : «Azbukovnik», 2000. S. 375–385.

9. Zlobin A. A. Leksicheskaja reprezentacija koncepta volja v proizvedenijah A. I. Solzhenicyna = Lexical representation of the concept will in A. I. Solzhenitsyn's works // Vestnik Ul'janovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2014. № 3. S. 25–27.

10. Zlobin A. A. Funkcionirovanie precedentnyh fenomenov v romane A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = Functions of precedent phenomena in A. I. Solzhenitsyn's novel In the First Circle // Mir russkogo slova. 2016. № 1. S. 79–82.

11. Krechetova A. V. Roman «V kruge pervom» v aspekte diskursivnogo otrazhenija koncepcij rossijskogo liberal'nogo dvizhenija konca XIX – nachala XX veka = The novel In the First Circle in terms of discursive reflection of the Russian liberal movement concepts of the late XIX - early XX century // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2014. T. 14. Vyp. 2. S. 64–67.

12. Krivonos V. Sh. Dva lokusa pamjati v romane A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = Two loci of memory in A. I. Solzhenitsyn's novel In the First Circle // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2020. № 6. S. 163–172.

13. Mal'ceva O. N. O teatral'nom pretvorenii romana A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» (spektakl' Ju. P. Ljubimova «Sharashka») = On the theatrical adaptation of A. I. Solzhenitsyn's novel In the First Circle (Y. P. Lyubimov's play «Sharashka») // Lichnost' i tvorčestvo A. I. Solzhenicyna v sovremennom iskusstve i literature : Ma-

terialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj stoletiju so dnja rozhdenija A. I. Solzhenicyna. Moskva, 15–17 marta 2017 g. / Gosudarstvennyj institut iskusstvovnanija; Dom russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna; Russkij blagotvoritel'nyj fond Aleksandra Solzhenicyna; red.-sost. L. I. Saraskina. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvovnanija; Russkij put', 2018. S. 281–295.

14. Mart'janova S. A. Biblejskie temy i obrazy v romane A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = Biblical themes and images in A. I. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle» // Problemy istoričeskoj pojetiki. Petrozavodsk : Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. Vyp. 11: Evangel'skij tekst v ruskoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr : sbornik statej. Vyp. 8. 2013. № 11. S. 442–452.

15. Orlovskaja-Bal'zamo E. Chelovek v istorii: Solzhenicyn i Ippolit Tjen = Man in history: Solzhenitsyn and Hippolyte Taine / perev. s francuz. Dar'i Rumjancevoj // Novyj mir. 1996. № 7 (855). S. 195–211.

16. Postovalova V. I. Sud'ba kak ključevoe slovo kul'tury i ego ponimanie A. F. Losevym (fragment tipologii miroponimanij) = Fate as a key word of culture and its understanding by A. F. Losev (a fragment of worldviews typology) // Ponjatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur : sbornik nauchnyh statej. Moskva : Nauka, 1994. S. 207–214.

17. Radzishevskij V. V. Istoričeskij kontekst v romane «V kruge pervom»: nabljudenija komentatora = Historical context in the novel «In the First Circle»: a commentator's observations // Put' Solzhenicyna v kontekste Bol'shogo Vremeni : sbornik pamjati: 1918–2008. Moskva : Russkij put', 2009. S. 243–248.

18. Saraskina L. I. Zadacha i sverhzadacha jekranizacii po romanu A. I. Solzhenicyna «V kruge pervom» = The task and super-task of the screen adaptation of Solzhenitsyn's novel «In the First Circle» // Lichnost' i tvorčestvo A. I. Solzhenicyna v sovremennom iskusstve i literature : Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj stoletiju so dnja rozhdenija A. I. Solzhenicyna. Moskva, 15–17 marta 2017 g. / Gosudarstvennyj institut iskusstvovnanija; Dom russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna; Russkij blagotvoritel'nyj fond Aleksandra Solzhenicyna; red.-sost. L. I. Saraskina. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvovnanija; Russkij put', 2018. S. 222–242.

19. Slovar' russkogo jazyka = The Russian Language Dictionary / pod red. A. P. Evgen'evoj. V 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Russkij jazyk, 1981–1984. T. 3. 1983. 752 s. (SRJa).

20. Solzhenicyn A. I. Sobranie sochinenij: V 30 t. = Collected works: In 30 vols. Moskva : Vremja, 2007–2018. T. 2. 2011. 880 s. T. 6. 2010. 624 s.

21. Spivakovskij P. E. «V kruge pervom» A. I. Solzhenicyna: teni real'nogo = In the First Circle by A. I. Solzhenitsyn: shadows of the real // Vestnik Moskovskogo

gosudarstvennogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2019. № 2. S. 41–48.

22. Toporov V. N. Sud'ba i sluchaj = Fate and chance // Ponjatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur : sbornik nauchnyh statej. Moskva : Nauka, 1994. S. 38–75.

23. Urmanov A. V. Hudozhestvennoe mirozdanie Aleksandra Solzhenicyna = Alexander Solzhenitsyn's artistic universe : monografija. Moskva : Russkij put', 2014. 624 s.

24. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language / perevod s nemeckogo i dopolnenija O. N. Trubacheva. V 4 t. 2-e izd., stereotip. Moskva : Progress, 1986–1987. T. 1. 1986. 576 s. T. 4. 1987. 864 s.

25. Hizhnjak L. G. Ključevye slova v proze A. I. Solzhenicyna = Key words in A.I. Solzhenitsyn's prose // Filologija : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Saratov, 1999. S. 63–67.

26. Holmogorov E. Ulica Solzhenicyna = Solzhenitsyn street // Novyj mir. 2018. № 12. S. 144–161. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_12/Content/Publication6_7073/Default.aspx (data obrashhenija 18.04.2023).

27. Černejkov L. O., Dolinskij V. A. Imja SUD'BA kak ob'ekt konceptual'nogo i asociativnogo analiza = The noun FATE as an object of conceptual and associative analysis // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 9. Filologija. 1996. № 6. S. 20–41.

28. Čurikov G. A. Konflikt ideologii i nraštvennosti v romanah A. I. Solzhenicyna «Avgust 14-go» i «V krughe pervom» = The conflict between ideology and morality in A. Solzhenitsyn's novels «August 1914» and «In the First Circle» // Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filologija. Žurnalistika. 2006. № 1. S. 85–92.

29. Šmel'ov A. D. Russkij jazyk i vnejazыkovaja dejstvitel'nost' = The Russian language and extralinguistic reality. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 s. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).

30. Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. Vyp. I–41 = Etymological dictionary of Slavonic languages. Common Slavonic lexical fund. Issue I-41. Moskva : Nauka, 1974–2018. Vyp. 4. 1977. 235 s. Vyp. 5. 1978. 232 s. (JeSSJa).

Статья поступила в редакцию 13.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 13.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication on 22.06.2023.